

**КРАСНОАРМЕЙСКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ
КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ МОБИЛИЗАЦИИ
СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В 1925 – 1931 ГГ. В ПРЕДДВЕРИИ МАНЬЧЖУРСКОГО КРИЗИСА
(1931 – 1935 ГГ.)**

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва,
РФ, 129085 Москва, Проспект Мира, 101 стр. 1.

Филинов Андрей Владимирович -
соискатель кафедры Отечественной истории XX-
XXI вв. исторического факультета МГУ имени
М.В. Ломоносова, e-mail: fiann@inbox.ru.

Статья посвящена рассмотрению одного из внутривосточных аспектов развития СССР – мобилизации (укреплению) советского Дальнего Востока, в период, предшествовавший маньчжурскому кризису (1931 – 1935 гг.). В рамках этого аспекта изучается проблема нехватки трудовых ресурсов как составляющей группы социально-экономических проблем, существовавших в развитии Дальневосточного края (ДВК) во 2-й половине 1920-х – начале 1930-х гг., в том числе в контексте эффективности применявшихся местным и центральным руководством методов управления регионом. Предпринимавшиеся высшим советским руководством усилия (в частности, организация красноармейского переселения) по исправлению ситуации (повышению мобилизационной готовности ДВК) являлись результатом взаимодействия двух взаимосвязанных процессов. С одной стороны, осознания высшим советской партийно-политической и военной элитой (И.В. Сталиным, К.Е. Ворошиловым и др.) потенциальных внешнеполитических угроз, а с другой – понимания проблем в развитии

Дальневосточного края. В то же время начало красноармейского переселения не только не следует считать началом активного переселения на Дальний Восток, но и неверно было бы связывать исключительно с маньчжурским кризисом. Ещё за некоторое время до начала красноармейского переселения советской властью предпринимались меры по стимулированию миграции в Дальневосточный регион. В качестве одного из способов пополнения трудовых ресурсов региона стало использоваться плановое переселение, одной из форм которого в свою очередь и являлось красноармейское переселение в ДВК. Последнее возникло в связи со складывавшейся на рубеже 1920 – 1930-х гг. ситуацией, когда стратегические (внутри и внешнеполитические) интересы государства на Дальнем Востоке потребовали коренного изменения переселенческой политики.

Ключевые слова: красноармейское переселение, красноармейские колхозы и коммуны, трудовые ресурсы, мобилизация, советский Дальний Восток, ОКДВА, 1920е, 1930е, Япония, маньчжурский кризис.

A.V. Filinov

Red Army resettlement as one of the methods of mobilizing the Soviet Far East in 1925-1931 on the eve of the Manchurian crisis (1931 - 1935)

The article is devoted to the consideration of one of the internal political aspects of the development of the USSR - the mobilization (strengthening) of the Soviet Far East, in the period preceding the Manchurian crisis (1931 - 1935). Within the framework of this aspect, the problem of a shortage of labor resources is studied as a component of a group of socio-economic problems that existed in the development of the Far Eastern Territory (DVK) in the 2nd half of the 1920s - early 1930s, including in the context of the effectiveness of those used by local and the central leadership of the region's management methods. The efforts undertaken by the top Soviet leadership (in particular, the organization of the Red Army

resettlement) to correct the situation (increase the mobilization readiness of the DVK) were the result of the interaction of two interrelated processes. On the one hand, the awareness of the highest Soviet party-political and military elite (I.V. Stalin, K.E. Voroshilov, etc.) of potential foreign policy threats, and on the other hand, understanding of the problems in the development of the Far Eastern Territory. At the same time, the beginning of the Red Army resettlement not only should not be considered the beginning of an active resettlement to the Far East, but it would also be wrong to associate it exclusively with the Manchu crisis. Some time before the start of the Red Army resettlement, the Soviet government took measures to stimulate migration to the Far Eastern region. As one of the ways to replenish the labor resources of the region, planned resettlement began to be used, one of the forms of which, in turn, was the Red Army resettlement to the DVK. The latter arose in connection with the emerging at the turn of the 1920s - 1930s. a situation when the strategic (domestic and foreign) interests of the state in the Far East required a radical change in the resettlement policy.

Keywords: Red Army resettlement, Red Army collective farms and communes, labor resources, mobilization, Soviet Far East, OKDVA, 1920s, 1930s, Japan, Manchurian crisis.

Одной из главных проблем Дальневосточного региона, как в рассматриваемый период, так и позднее, являлось обеспечение рабочими кадрами. По мнению современных исследователей, слабая заселенность и низкая плотность населения (в 1925 г. по средней плотности населения Дальний Восток уступал аналогичному российскому показателю в 10 раз (0.6 чел. и 6.4 чел. на 1 км²) не только были опасны с точки зрения усложнившейся международной военно-политической обстановки, но и сковывали развитие промышленности и сельского хозяйства [5, 68; 10, 39].

В то же время высокие темпы роста промышленного производства в начале 1930-х гг., создали острый дефицит трудовых ресурсов во всех отраслях народного хозяйства Дальневосточного края. Достаточно сказать,

что только на одном Северном Сахалине на начало 1931 г. плановая потребность в рабочей силе составляла 19.5 тыс. чел, а работало всего 7.8 тыс. человек, т.е. не хватало почти 2/3 потребности [3, 73].

Л.М. Медведева объясняет это более низким уровнем экономической освоенности и заселения востока страны, в рамках которого попытки сооружения сколько-нибудь масштабных объектов наталкивались на проблему материального снабжения и обеспечения кадрами. Частично она решалась посредством направления на стройки населения, занятого в других отраслях хозяйства, и воинских подразделений [11, 280]. Ярким примером этого способа была деятельность красноармейских колхозов и коммун.

Эта деятельность могла развернуться лишь благодаря начавшемуся с 1930 г. красноармейскому переселению, которое Н.А. Обетковский считает отличительной особенностью 10-летнего периода переселения на Дальний Восток в целом (начиная с 1925 г., когда был составлен одобренный Дальневосточным экономическим совещанием перспективный план заселения Дальнего Востока на ближайшие 10 лет). Переселяются семьи демобилизованных воинов Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА) и других соединений Красной Армии [12, 163].

В колхозы, создаваемые преимущественно в Приморском крае, красноармейцы прибывали из самых различных военных округов. Так, среди вселившихся в 1931 г. на Дальний Восток красноармейцев и их родственников, составлявших 5.2 тыс. человек, из Средней Азии прибыло 2.2 тыс., с Украины – 0.9 тыс., из Московского военного округа – свыше 0.8 тыс., столько же из Приволжского округа [13, 83].

При этом процесс создания колхозов требовал не только наличия тех, кто будет жить и трудиться в новых поселениях, но и тех, кто должен был сначала построить эти колхозы. Для решения данной задачи вполне логично были задействованы зачастую те же самые регионы, из которых и так уже забирали рабочую силу в рамках красноармейского переселения. Эти

миграции иногда не устраивали местное руководство, которое не боялось порой идти на конфронтацию с центром.

Так, например, 7 сентября 1931 г. нарком труда СССР в 1930 – 1933 гг. А.М. Цихон [8, 571] направил послание заведующему Организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП (б) П.П. Постышеву[8, 395], в котором сообщал о нарушении Секретариатом ЦК КП (б) У постановления Совета труда и обороны от 24 апреля. Согласно ему, Наркомат труда СССР должен был обеспечить переброску на Дальний Восток 20 инженеров и 70 техников строителей, в рамках чего НКТ предложил Наркомату труда Украины отправить в ДВК 30 техников строителей, из числа молодых специалистов, оканчивающих ВУЗы в 1931 г. Однако Секретариат отказал в этом направлении¹.

Уже на следующий день Цихон снова жаловался Постышеву, на этот раз относительно аналогичного украинскому решения, которое принял Средне-Волжский крайком ВКП (б) во главе с В.П. Шубриковым[16]. Инженеру Евстегнееву, работавшему в Самарской конторе Союзсельстроя и 100 строителям вместе с ним направленным на Дальний Восток, был воспрещён выезд из пределов Средне-Волжской области².

В то же время для того, чтобы привлечь будущих переселенцев и стимулировать приехавших остаться в крае, красноармейцам, вступившим в колхозы, предоставлялись повышенные льготы и к началу 1931 г. в крае насчитывалось уже 42 красноармейских колхоза. Красноармейское переселение приобретало всё более широкий размах, оно захватывало такие малообжитые районы ДВК, как Камчатка и Сахалин [2, 51].

Однако, организация переселения испытывала значительные трудности, которые советские историки чаще всего связывали с «живучестью мелкобуржуазных привычек, с сопротивлением кулаков». Описываемые же ими способы решения данных проблем, как правило, не шли дальше

---

¹Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р5515. Оп. 1. Д. 369. Л. 125.

²ГА РФ. Ф. Р5515. Оп. 1. Д. 369. Л. 123.

расширения масштабов партийного руководства и бюрократического администрирования вроде создания при Далькрайсельхозсоюзе секции красноармейских колхозов, работавшей под общим руководством краевого переселенческого комитета [2, 51].

В связи с этим, сведения исследователей, касающиеся количества первоначально переселившихся в Дальневосточный регион, и уехавших обратно, говорят сами за себя. С 1930 до весны 1932 гг. прибыло на Дальний Восток 32 926 красноармейцев и членов их семей. Всего, таким образом, с 1925 по 1932 г. было переселено на Дальний Восток 155 554 человека. Из этого количества ушло с мест вселения (в основном за пределы края) к 1932 г. 60 198 человек или около 40%. В действительности процент выбывших был выше, т.к. учёт уходящих с 1930 г. прекратился, между тем, переселенцы уходили не сразу, а постепенно [12, 163]. Об этом свидетельствуют следующие данные: к началу 1929/30 гг. из общего числа прибывших в 1924/25 гг. осталось 19,2%, в 1925/26 – 44.5%, 1926/27 – 60.6%, 1927/28 – 74.4%, 1928/29 – 89.9% [9, 31].

Эти цифры соотносятся с данными, приводимыми уже современным российским исследователем Н.С. Тарховой. Она отмечает, что план вербовки в колхозы с привлечением бывших красноармейцев на 1931 г. предусматривал создание красноармейских колхозов в Дальневосточном крае в количестве 8 700 красноармейских семей. Общий план вербовки красноармейцев на Дальний Восток был определён в 10 000 человек, что в два раза меньше по сравнению с 1930 г. Данное количество в свою очередь подтверждается материалами доклада, представленного Политбюро ЦК ВКП (б) наркомом по военным и морским делам К.Е. Ворошиловым по итогам его поездки на Дальний Восток в июле-сентябре 1931 г.³

Однако из завербованных выбыло обратно 1 125 человек (8.3%) [15, 238]. По данным ОГПУ, в ряде коммун этот процент значительно превосходил средние показатели, достигая иногда 33 и даже 68.7%. Руководство секретно-

---

³Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 19. Д. 12. Л. 9.

политического отдела ОГПУ (СПО ОГПУ), сообщая об этих тревожных фактах военному ведомству, обращало внимание К.Е. Ворошилова и на другие явления: «Обратническим тенденциям подвержены даже отдельные партийцы и комсомольцы, причём некоторые из них не останавливаются даже перед сдачей парт[ийных] документов» %) [15, 238].

Ни постановление СНК СССР от 23 апреля 1931 г. «О красноармейском переселении в ДВК», ни решения коллегии НК РКК от 3 июля 1931 г., ни даже поездка на Дальний Восток наркома К.Е. Ворошилова, как это станет ясно в дальнейшем, не смогли изменить ситуацию к лучшему.

Все эти явления следует рассматривать на фоне ситуации конца 1920-х – начала 1930-х гг., когда происходит обострение международной обстановки в Дальневосточном регионе, что постепенно приводило к восприятию советским руководством таких государств как Япония в качестве источника военной угрозы.

Таким образом, формирование военного очага вблизи границ СССР потребовало от советской партийно-политической верхушки экстренных мер. Анализируя советскую оборонную политику, Л. Самуэльсон упоминает о закрытых заседаниях Политбюро от 1 и 8 июля 1929 г., результатом которых стали Постановления «О состоянии обороны СССР» и «О военной промышленности» [14, 97]. Е.Н. Галактионов подчёркивает, что при разработке планов оборонной промышленности в мирное и военное время, планов развития вооружённых сил эти документы явились основополагающими, определяющими темпы производства и обеспечения Красной армии[6].

Первостепенной задачей по наращиванию оборонного потенциала на Дальнем Востоке явилось увеличение численности корабельного и катерного состава. В годы Гражданской войны, по словам В.К. Арсеньева, произошло «обескорабливание», которое негативным образом повлияло на положение дел в крае [7, 146]. К концу 1927 г. на Дальнем Востоке, по заявлению Я.Б. Гамарника, была «пара негодных галош», отсутствовал катерный флот[6].

Для усиления охраны государственной границы СССР по рекам Амур и Уссури в августе 1930 г. были сформированы объединенные отряды речных катеров. В их состав вошли: катера «Сахалинец», «Чекист», «Красин», «Р-8», «Р-19»; гидроглиссеры типа «БГ-2» и «ГГ-2». Камчатский пограничный отряд был усилен маневренной группой, став мощной боевой единицей, способной противостоять нарушителям границы[6].

В то же время, по мнению И.В. Быстровой, опирающейся, в частности, на письмо И.В. Сталина М.Н. Тухачевскому от 23 марта 1930 г., руководство страны ещё не намеревалось проводить курс на радикальную перестройку и перевооружение армии, который потребовал бы резкого роста военных расходов и расширения оборонной промышленности [4, 67].

С другой стороны, Л. Самуэльсон указывает, что на советском Дальнем Востоке разведка пристально следила за военными приготовлениями Японии. На основе добытых е. сведений формировались доклады, в том числе о вооружённых силах армий сопредельных государств. Так, например, неизвестный автор одного из докладов отмечал, что на 1930 г. по сравнению с численностью Красной Армии, определявшейся в 562 тыс. чел., войска Японии составляли 309 тыс., а в целом на дальневосточной границе СССР количество войск капиталистических государств оценивалось в полмиллиона человек⁴.

Возможно, однако, что в последнюю цифру вкралась преднамеренная или случайная ошибка. Согласно открытому источнику, численность только китайской армии составляла 2 млн. 500 тыс. чел. что вместе с количеством японских войск составляла почти 3 млн. чел., но никак не 500 тыс. чел [1, 14]. Вполне вероятен и другой вариант – намеренное завышение численности дальневосточной группировки войск капиталистических государств, отражённое в стенографическом отчёте с пленума Коминтерна в целях пропаганды.

Подобные доклады, очевидно, предназначались в первую очередь для высшего политического и военного руководства страны. Содержание

---

⁴РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 379. Л. 45.

документов вынуждало их адекватно реагировать на поступавшую информацию. В связи с этим летом 1931 г. К.Е. Ворошилов предпринимает длительную поездку по новым оборонным заводам и другим предприятиям Урала и Сибири, а также посещает советский Дальний Восток [14, 147].

***

Подводя итоги, следует отметить, что нехватка рабочих рук на советском Дальнем Востоке была связана с значительной удалённостью и слабой освоенностью региона, проблемами с жильём и снабжением. Поэтому недостаток трудовых ресурсов, который лишь отчасти восполнялся иностранными рабочими и советскими добровольными переселенцами, должен был покрываться трудом полупринудительного (рабочие, занятые в других сферах хозяйства и перебрасываемые в ДВК; красноармейские колхозники, действующие военнослужащие) и принудительного (заключённые) характера.

При этом красноармейские колхозы и коммуны играли в этой структуре двоякую роль – с одной стороны, выполняли функции экономического освоения ДВК, а с другой являлись резервом территориальных частей на случай возникновения военной угрозы. В основном переселение в колхозы и коммуны шло из Средней Азии, Украины, МВО и ПриВО. Однако проблема заключалась в том, чтобы сначала создать условия для нормальной жизни переселенцев, для чего нередко привлекались мигранты из тех же регионов, что приводило к чересчур сильному «оголению» последних в отношении рабочей силы. Это, в свою очередь, вело к конфликтам центральных и местных властей, что особенно ярко проявилось в отношении Украины и Средне-Волжского края.

В рамках стимулирования переселенцев им предлагались разнообразные льготы, но в основном методы решения возникавших у мигрантов проблем редко предполагали что-то иное, чем создание новых бюрократических структур, которые должны были отвечать за решение имевшихся и вновь возникавших проблем. В том числе, поэтому

обратнических тенденций среди недавних переселенцев, несмотря на все принимаемые меры, не становилось меньше, и никакие постановления руководящих органов не смогли кардинально изменить ситуацию к лучшему.

Данная военная составляющая коллективизации (в части создания красноармейских колхозов) отражала опасения советских лидеров относительно возможности грядущей войны. С другой стороны, та же проблема заставляла советскую элиту задуматься и о других аспектах мобилизации края, кроме промышленного, например, о восстановлении полноценного флота на Тихом океане и Амуре. Однако проведение мобилизации потребовала бы резкого наращивания военных расходов, к чему СССР был совершенно не готов в условиях разгара первой пятилетки. Поэтому И.В. Сталину и его соратникам до начала маньчжурского кризиса оставалось во многом лишь пристально следить за происходящим, в том числе на дальневосточных границах.

Библиографический список

1. *XI пленум ИККИ. Стенографический отчёт. Вып. II.* – М., Л.: Соцэкгиз, 1931. 257 с.
2. *Билим Н.А.* Из истории участия демобилизованных в колхозном строительстве на Дальнем Востоке в годы предвоенных пятилеток // Хабаровский пед. институт. Учёные записки. Т. 28. Ч. 1. – Хабаровск, 1970. С. 44-56.
3. *Билим Н.А.* Роль социальных перемещений в формировании колхозного крестьянства на советском Дальнем Востоке в 1926-1939 гг. // Сельское хозяйство и крестьянство Дальнего Востока СССР в период строительства социализма и коммунизма: Межвузовский сборник научных трудов. – Хабаровск: Хабаровск. гос. пед. ин-т, 1984. С. 66-80.

4. *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930-1980-е гг.). – М.: ИЦ ИРИ РАН, 2006. 702 с.
5. *Вологодина Е.С.* Сельскохозяйственные переселения на российский Дальний Восток в 30-х годах XX века. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009, № 10 (191). История. Вып. 39. С. 68-73.
6. *Галактионов Е.Н.* Политика советского руководства по наращиванию оборонного потенциала на Дальнем Востоке СССР в первой половине 30-х гг. XX в. // Власть и управление на Востоке России. 2013, № 2. С. 166-170.
7. *Дубинина Н.И.* Дальний Восток Яна Гамарника. – Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2011. 432 с.
8. *Залесский К.А.* Кто есть кто в истории СССР. – М.: Вече, 2011. 608 с.
9. *Иванов А.В.* Сталинская политика переселения на Дальний Восток России в 1925–1953 гг. // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 30-35.
10. *Исаев А.А.* Миграционные процессы на Дальнем Востоке СССР в 1930-е – первой половине 1940-х годов. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013, № 1. С. 39-45.
11. *Медведева Л.М.* Использование заключённых в транспортном строительстве на Дальнем Востоке (1930-е – середина 1950-х гг.) // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920-1950-е гг.: Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 279-285.
12. *Обетковский Н.А.* Плановое переселение на Дальний Восток в годы Советской власти (1925-1940 гг.) // Вопросы истории и социологии Дальнего Востока. – Благовещенск, 1972. С. 158-171.

13. *Рыбаковский Л.Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. – М.: Наука, 1990. 138 с.
14. *Самуэльсон Л.* Красный колосс: становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921-1941 гг. – М.: АИРО-XX, 2001. 296 с.
15. *Тархова Н.С.* Красная Армия и сталинская коллективизация. 1928-1933 г. – М.: РОССПЭН, 2010. 375 с.
16. *Шубриков Владимир Петрович* // «Информационный портал AZ-libr.ru» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://az-libr.ru/Persons/SL1/579bc82c/index.shtml> (дата обращения: 13.12.2020).

References

- XI plenum IKKI. Stenograficheskiy otchyot. Vyp. II. – М., Л.: Socekiz, 1931. 257 s.
- Bilim N.A. Iz istorii uchastiya demobilizovannyh v kolhoznom stroitel'stve na Dal'nem Vostoke v gody predvoennyh pyatiletok // Habarovskij ped. institut. Uchyonye zapiski. T. 28. CH. 1. – Habarovsk, 1970. S. 44-56.
- Bilim N.A. Rol' social'nyh peremeshchenij v formirovanii kolhoznogo krest'yanstva na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1926-1939 gg. // Sel'skoe hozyajstvo i krest'yanstvo Dal'nego Vostoka SSSR v period stroitel'stva socializma i kommunizma: Mezhhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. – Habarovsk: Habarovsk. gos. ped. in-t, 1984. S. 66-80.
- Bystrova I.V. Sovetskij voenno-promyshlennyj kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya (1930-1980-e gg.). – М.: IC IRI RAN, 2006. 702 s.
- Vologdina E.S. Sel'skohozyajstvennye pereseleniya na rossijskij Dal'nij Vostok v 30-h godah XX veka. // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009, № 10 (191). Istoriya. Vyp. 39. S. 68-73.
- Galaktionov E.N. Politika sovetskogo rukovodstva po narashchivaniyu oboronnoho potenciala na Dal'nem Vostoke SSSR v pervoj polovine 30-h gg. НКН v. // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. 2013, № 2. S. 166-170.

Dubinina N.I. Dal'nij Vostok YAna Gamarnika. – Habarovsk: KGUP «Habarovskaya kraevaya tipografiya», 2011. 432 s.

Zaleskij K.A. Kto est' kto v istorii SSSR. – M.: Veche, 2011. 608 s.

Ivanov A.V. Stalinskaya politika pereseleniya na Dal'nij Vostok Rossii v 1925–1953 gg. // Sovetskij Dal'nij Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu epohi: sb. nauch. statej. – Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2014. C. 30-35.

Isaev A.A. Migracionnye processy na Dal'nem Vostoke SSSR v 1930-e – pervoj polovine 1940-h godov. // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2013, № 1. S. 39-45.

Medvedeva L.M. Ispol'zovanie zaklyuchyonnyh v transportnom stroitel'stve na Dal'nem Vostoke (1930-e – seredina 1950-h gg.) // Politicheskie repressii na Dal'nem Vostoke SSSR v 1920-1950-e gg.: Materialy pervoj Dal'nevostochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1997. S. 279-285.

Obetkovskij N.A. Planovoe pereselenie na Dal'nij Vostok v gody Sovetskoj vlasti (1925-1940 gg.) // Voprosy istorii i sociologii Dal'nego Vostoka. – Blagoveshchensk, 1972. S. 158-171.

Rybakovskij L.L. Naselenie Dal'nego Vostoka za 150 let. – M.: Nauka, 1990. 138 s.

Samuel'son L. Krasnyj koloss: stanovlenie voenno-promyshlennogo kompleksa SSSR. 1921-1941 gg. – M.: AIRO-XX, 2001. 296 c.

Tarhova N.S. Krasnaya Armiya i stalinskaya kollektivizaciya. 1928-1933 g. – M.: ROSSPEN, 2010. 375 c.

SHubrikov Vladimir Petrovich // «Informacionnyj portal AZ-libr.ru» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://az-libr.ru/Persons/SL1/579bc82c/index.shtml> (data obrashcheniya: 13.12.2020).